

УДК 398

<https://elibrary.ru/molost>

КОНСТАНТА ФОЛЬКЛОРНОЙ ИДЕАЛЬНОСТИ МИРА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ И В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

Чернова Анастасия Евгеньевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Перервинской духовной семинарии,
доцент кафедры литературы
Московского государственного
университета управления и технологий
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий
университет)
109383, Россия, г. Москва,
ул. Шосейная, д. 82, стр. 1
E-mail: litsot@yandex.ru

Для цитирования: Чернова А. Е. Константа фольклорной идеальности мира в духовных стихах и в поэзии Николая Тряпкина. DOI: 10.51216/2687-072X_2024_4_218. EDN: MOLOST // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2024. № 4 (29). С. 218–235.

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые мотивы и константные образы в русской поэзии. Актуальность темы обусловлена отсутствием в настоящее время специальных литературоведческих исследований, связанных с изучением константы фольклорной идеальности мира в поэзии Тряпкина и в духовных стихах, а также значимостью данного понятия для формирования лирического мотива, транслирующего сокровенный опыт обращенности к внутреннему, духовному, божественному и вечному началу. В работе были использованы методы семантического, социокультурного и контекстуального анализа. Научная новизна исследования заключается в совокупном использовании фольклористического и филологического подходов, что позволило обнаружить смысловые аналогии между образами спасительной пустыни в духовных стихах и уединенного места, избы

или дальнего Севера в поэзии Тряпкина, а также уточнить особенности константы фольклорной идеальности мира.

В результате исследования выявлено, что константу фольклорной идеальности мира образуют различные формы взаимодействия земного и небесного начал. Минуя стадию правдоподобия, константа фольклорной идеальности мира преобразует реальность в измерение чудесного, в котором идеал и действительность слиты воедино. В духовных стихах фольклорная идеальность связана, прежде всего, с природным миром, который сотворен Богом, а потому исполнен благодати и прекрасен. В основе же константы лежит аксиологический принцип различения внешней и внутренней пустыни, который пронизывает не только поэтику духовных стихов, но и многие сюжеты русской литературы.

Автор приходит к выводу, что внутренняя пустыня, вбирающая безмолвие и свет, представлена в северных стихах Николая Тряпкина. Лирический герой изображен как созерцатель, способный освободиться от будничной суеты и соприкоснуться с миром невидимым, с измерением Фаворского чуда, что соотносится с молитвенным настроением и образностью духовных стихов.

Ключевые слова: поэзия Николая Тряпкина; фольклорное сознание; константа фольклорной идеальности мира; внутренняя пустыня; лирический герой; образность духовных стихов.

Введение

Обоснование актуальности. Русскому народному сознанию свойственна одна определенно и постоянно проявляющая себя особенность – это поиск гармонии, обязательное разрешение конфликта, причем, однозначное, не оставляющее возможности для иных, противоположных, толкований. Здесь вполне проявляет себя Христово наставление: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет» (Мф. 5, 37).

«Слово ваше да будет всегда с благодатию» (Кол. 4, 6), – поясняет учение Христа Апостол Павел. Это о том, что слово наше должно быть с ясным смыслом и глубоким значением, исключающим двусмысленные выражения. Одна вера, один путь, одна цель. И цель эта – не что иное, как обретение идеала, идеального царства, которое, если посмотреть на него сквозь призму евангельских заповедей, окажется желаемым для христианина Царством Небесным. Но в исследовательской литературе XX века относительно фольклора укоренились понятия «иной мир», «идеальное царство».

Заметим, что это положение нуждается в уточнении и исправлении. Искоренение христианства породило представление о якобы языческом наполнении произведений всех фольклорных жанров. Здесь нашло почву и неоязычество, усердно внедряемое в современное общественное сознание. Этот вопрос нуждается в отдельном освещении. Пока же будем говорить о поиске в фольклоре идеального, или Небесного Царства. Осуществляется он согласно жанровым традициям. В сказке, легенде, предании, быличке, бывальщине, духовных стихах этот поиск имеет свою специфику. Но всегда и везде художественное изображение идеального царства в фольклорном тексте предполагает наличие и реального, земного мира. Различные формы взаимодействия земного и небесного начал, их противопоставление, причудливое переплетение образуют константу фольклорной идеальности мира.

О. И. Шабалина в кандидатской диссертации «Фольклорное сознание как способ духовно-практического освоения действительности» (2000) называет «противоречие между реальным миром, каким он дан вне и не зависимо от человека, и миром желаний, устремлений, мечтаний человека, то есть идеальным миром» [1] – движущей силой фольклорного сознания. Именно в фольклоре, по мнению О. И. Шабалиной, «разыгрывается драма этих двух миров, драма человеческой жизни; происходит постоянный поиск гармонии между своим внутренним, идеальным миром и внешним по отношению к нему, реальным миром» [1].

Цель исследования – выявить формы реализации этого конфликта в фольклорных жанрах и в произведениях русских поэтов XX века – на примере духовных стихов и поэзии Николая Тряпкина.

Научная новизна статьи заключается в совокупном применении фольклористического и филологического подходов, что позволило обнаружить смысловые аналогии между образами духовных стихов и поэзией Николая Тряпкина, а также уточнить принципы константы фольклорной идеальности мира, используя семантический, социокультурный и контекстуальный методы.

В задачи исследования входит определение параметров константы фольклорной идеальности мира в духовных стихах; выявление истоков этой константы в стихах Николая Тряпкина; анализ образа прекрасной пустыни как места духовного преображения; применение всех этих принципов при разборе стихотворения Тряпкина «А на улице снег», определение двух типов образности.

Практическая значимость. Разработанная и представленная методология может быть использована при анализе произведений других авторов. Тем самым появится возможность точнее и глубже раскрыть значение художественных образов, выявить их соотнесённость с народным взглядом на окружающий мир, фольклором и религиозной проблематикой.

Константа фольклорной идеальности в духовных стихах

Особый тип взаимодействия миров мы найдем в духовных стихах. Если в сказочной прозе – легендах, преданиях и быличках – сама повседневность осмысливается как фантастическая, человек постоянно соприкасается с таинственными и непознанными явлениями иной реальности, то в духовных стихах различается не столько земное и небесное, мир видимый и мир невидимый (которые в определенных случаях могут становиться едиными), сколько жизнь религиозная и мирская. Это различие касается именно человеческой жизни, которая может быть греховной или святой. В духовных стихах фольклорная идеальность связана, прежде всего, с природным миром, который сотворен Богом, а потому исполнен благодати и прекрасен. В них господствует «идея всемогущей божественной власти», «все происходящее в них делается по Божьему велению» [2, с. 142].

Противоположная Богу сила – дьявол, могущественный лишь по отношению к слабым и грешным по природе людям, на самом деле ничтожен.

В духовных стихах утверждается, что «победа Кривды на земле временна, а небеса, где находится Правда, всемогущи, то есть необходимый признак дуализма – равенство сил Бога и дьявола – явно отсутствует» [2, с. 142].

Образ внешнего мира оказывается здесь цельным и единым: мать-сыра земля безгрешна, насыщена Святым Духом. Грех же заключен в самом человеке, в глубинах его души. Именно поэтому вещный, физический мир характеризуется как «идеальный мир фольклорной нормы», что отражается системой постоянных эпитетов: на матушке-сырой земле текут реки быстрые, стоят леса темные, дуют ветры буйные, светит солнце красное. Напротив, душевный мир «обычного человека, по своей воле творящего грех, – это “мир, во зле лежащий”, отступление от идеальной нормы (душа

грешная, житие суетное, мысли нечестивые)» [2, с. 140]. Таким образом, «противопоставления добра и зла, правды и кривды, праведности и греха являются внутренней пружиной, разворачивающей сюжет духовных стихов» [2, с. 146].

В сборнике «Кому повем печаль мою...», изданном в 2007 году в Московском Даниловом ставропигиальном мужском монастыре, собраны духовные стихи старообрядческой общины с верховья реки Камы, бытующие в этих краях еще с дореформенных (до церковной реформы XVII века) времен. Стихи вобрали в себя те духовные ценности, которые были положены в основу жизни русского человека, определяли его отношения с окружающим миром и его повседневный быт.

Удивительно, но среди семейных, многодетных людей были почитаемы стихи о пустынном жителстве, что свидетельствует о важности темы. В стихах «Уж полно тебе, человеце, в мире жити...», «О прекрасная пустыня, и сам Господь пустыню похвалит...», «Прекрасная мати-пустыня, любезная моя дружина...», «Прими мя, пустыня...», «Монастырь верхней издавна стоит...» и др. повествуется о преимуществах пустынного жителства.

Можно предположить, что сам человек определяет качество пустынного жителства, формирует духовный облик пустыни. Однако в духовных стихах раскрывается иная, небесная, реальность, в которой действуют другие законы, и сама пустыня учит, направляя человека к благу, разумеется, не без его желания:

О прекрасная пустыня!

Прими мя, яко мати свое чадо,

Научи мя на все благо... [3, с. 194], – говорится в духовном стихе. Это происходит не случайно, ведь пустыня содержит Божественное измерение:

О прекрасная пустыня!

И сам Господь

пустыню похваляет.

Отцы в пустыни ся скитают,

И ангели отцем помогают.

Апостоли отцев ублажают,

Пророцы прославляют,

И мученицы величают,

И вси святии похваляют!

Отцы в тебе ся скитают [3, с. 193].

Пустыня в стихах Верхокамья – это вовсе не пустынное место. Напротив, в пустыне обильно произрастают цветы и деревья, в ветвях, весело порхая, поют райские птицы, все овеяно небесным светом и радостью:

Древа в пустыни процветают,

И птицы к древам прилетают.

На кудрявыя ветви посаждают

И красные они песни воспевают... [3, с. 193].

Или:

Во прекрасной ли во пустынюшке,

во зеленой во дубравушке,

Как прекрасен сад:

при реке древа, при древах етех

мелки пташечки,

Они райские поют песенки,

утешают же они

иноков монастырских [3, с. 174].

Мы видим, что цельность внутреннего и внешнего образует константу фольклорной идеальности мира в духовных стихах. И. В. Поздеева пишет, что «во всех стихах воспевается красота нетронутой человеком природы, поэтические образы которой близки к описаниям Рая и создают впечатление единства духовной и внешней жизни пустытника» [4, с. 29], в то время как жизнь в миру расщеплена грехом, в ней больше соблазна, чем в пустыне.

Константа фольклорной идеальности в поэзии Николая Тряпкина

Константа фольклорной идеальности обнаруживает себя и в литературных произведениях XX века, например в поэзии Николая Гумилева, Николая Тuroверова, Николая Рубцова, Николая Тряпкина.

Николай Иванович Тряпкин (1918–1999) – русский советский поэт, творческий дар которого особо проявился во второй половине XX века. Стилистика и образы его произведений связаны с русской народной песней.

Красота нетронутой человеком природы Русского Севера позволяет, например, лирическому герою Тряпкина соприкоснуться, по его словам, с изначальным родником:

*Мы приучим себя к забытью, к тишине –
Для преданий и книг.
Мы услышим, как бьётся в снегах и полусне
Изначальный родник, –*

*За горами, лесами, за тысячью верст,
У лесных пустырей...
Мы услышим, как в двери скребётся мороз
В полусвете ночей... [5, с. 56].*

Лесные пустыри в процитированном стихотворении «Столько вьюг прошумело» (1960) можно соотнести с пустыней духовных стихов. На верность выбранного пути указывают книжные и фольклорные источники – книги и предания, в изучение которых погружен лирический герой. Приучая себя к тишине, он говорит и про «забытье». Указанное в одной строке с «тишиной», это слово предполагает отрешенность от мирской суеты, забвение греховной жизни.

Перерождение, которое испытывает или, в других случаях, только терпеливо поджидает, желает обрести лирический герой Тряпкина, относится к явлениям духовным, а потому событие не всегда можно высказать, передать словами. Тайна и несказанность покрывают все сокровенные переживания.

*И пускай затеряюсь в сугробных излучинах, –
Я дождусь несказанной весны... [5, с. 82–83], –* говорится в стихотворении «Я уйду по снегам за далекую Пинегу» (1957).

Поиск же бытийных смыслов подобен открытию клада, как пишется в стихотворении «Лесные заливки» (1961):

*И чую, что здесь, у какой-то запруды,
Укрылись мои самоцветные руды [5, с. 105].*

Как прекрасная пустыня в духовных стихах, Русский Север предполагает некий уход, отрешенность от мирского. Сам путь исполнен серебристого света и общей размытости, как в стихотворении «Я уйду по снегам за далёкую Пинегу»:

*Я уйду по снегам за далёкую Пинегу
В белый сумрак великих лесов [5, с. 82–83].*

Или в стихотворении «Море» (1961):

*Где-то гагара кричит над пустынею водной.
Редкие сосны прозрачны под северным светом <...>
Чайки, да солнце, да я, да морское свечение [5, с. 92].*

Приведем целиком стихотворение Тряпкина «Дорога» (1952):

*Серебристая дорога, серебристая.
Лес да горы, снег да лунный порошок.
Вечер брызгами охотничьего выстрела
В небе скважины горящие прожег.*

*И над пропастью, тенями перекрытою,
Задремали придорожные столбы.
И мерещится за каждою ракитою
Теплый запах от невидимой избы.*

*Может, скрытый кедрочками и березами,
Где-то рядом здесь прислушался марал,
Как трубит ему оленьими совхозами
Затуманенный лесистый перевал.*

*А дорога вверх под сумеречным пологом
Продолжает свой медлительный подъем,
Хорошо бы там с кочующим геологом
Развести костер на облаке ночном.*

*Лес да горы, снег да пропасти отвесные.
Не боюсь тропой рискованной пройти.
Вот ступлю на ту хребтину поднебесную –
И пойду уже по Млечному Пути [5, с. 34].*

Путь-восхождение лирического героя содержит подробные описания того, что он видит: заснеженные лес и горы, хребты, пропасти, придорожные столбы. Этот мир предельно конкретен: совсем рядом ходят звери – маралы (благородные подвиды оленя) и сами олени, а также произрастают кедры и березы, и одновременно мир Русского Севера – размыт и затуманен. Единственное пространство, связанное с человеком, – избу – не видно. Только чудится ее теплый запах. Затуманен и лесистый перевал. Тем самым создается впечатление соединенности земли и неба: точная граница отсутствует, земная тропа незаметно перерастает в Млечный Путь...

Образ тумана как переходного состояния, смягчающего жесткие формы и размывающего границы миров, присутствует и в других описаниях.

*Как трубит ему оленьими совхозами
Затуманенный лесистый перевал [5].*

Или как в стихотворении «Летела гагара» (1955):

*А там на болотах
Дымились туманы,
Олени паслись [5, с. 28].*

Или как в стихотворении «Море» (1961):

Что там за морем? Лежат снеговые туманы [5, с. 92].

Аналогичных примеров можно привести много.

Пустыня как место духовного преображения, ее особенности в поэзии Николая Тряпкина

В духовных стихах пустыня связана с пустынным житием, которое противостоит повседневной суете. Уединяясь, подвижники

совершают в пустыне особые, невидимые миру подвиги. Мы рассмотрели случай, когда лирический герой Тряпкина, стремясь постичь самого себя, спешит в глухие северные края. Однако для того, чтобы обрести пустыню, вовсе не обязательно куда-то далеко ехать: пустыня может быть и внутренней.

Так, например, родной дом – очаг жизни – в стихотворении Н. Рубцова «Зимовье на хуторе» (1962) отождествляется со спасительной пустыней: «Мне хорошо в моей пустыне» [6, с. 78–79].

Имеется в виду не обычная замкнутость пространства, обособленность от людей, а сердечная сосредоточенность, пустыня внутреннего мира. Важно, что укромная изба – это не просто какой-то деревянный дом, но именно дом лирического героя, его личное жилище, которое соответствует состоянию души: моя пустыня. Если светло в душе, то светло и в доме, и, напротив, неустроенность внутреннего мира приводит к открытости и незащищенности перед холодом и темнотой мира внешнего.

*Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.*

*Я не один во всей Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной –
В печи березовый огонь... [6, с. 78–79].*

Огонь в печи, лампа, книги и гармонь образуют особое художественное измерение, приближенное по своему значению к фольклорной идеальности мира. Тихий, упорядоченный быт, налаженный внутри избы, отстоит от страшного вихря ночной непогоды. Создается своего рода личная «пустыня» лирического героя, огражденная от нападения враждебной человеку силы неярким светом и теплом.

Поэт Николай Тряпкин еще более явственно наделяет личную пустыню, избу с горячей печью, религиозным содержанием:

*И снова бью челом, забывши о просторах,
Заглохшим вечерам декабрьского двора.*

*А печка – что алтарь, а в печке – жаркий хворост,
А за стеною – снег, поморье и ветра...* [5, с. 19] – говорится в стихотворении «Пижма» (1946).

Такая разделенность пространств – внешнего мира, взвихренного злыми ветрами и колючим снегом, и теплого, даже жаркого жилища лирического героя с печкой-алтарем в центре, способствует созерцанию и припоминанию себя. Познание же самого себя является важной частью духовного делания. «*Познай себя самого, из чего и каким сотворен ты... и через сие удобно достигнешь красоты Первообраза*» [7], – писал святитель Григорий Богослов. Или преподобный Исаак Сирин: «*Познать себя есть полнота ведения о всем, и в подчинении души твоей подчинится тебе все*» [8, с. 372].

Остановиться и взглянуть на свою душу невозможно посреди суеты, мелькающих и отрывочных впечатлений дня. Прислушиваясь к звучанию тишины, к звучанию природы – а это звуки самые разные, но более всего проявлено нечто нераздельное, шероховатое, бормотание деревьев, – лирический герой стихотворения Н. Тряпкина «Пижма» задает себе важнейшие вопросы:

*Дремучая давность стоит за плечами,
И забыль кедровых трущоб
Бормочет стволами, топчет лосями
За дверью, где звёздный сугроб.
И шикает старый: припомнишь ли скоро,
Какого ты роду, чьих прав, –
С безвестием троп, с бормотанием бора
Давно свои думы смешав?* [5, с. 19]

Тем самым внутреннее и внешнее оказываются едиными: ветер, раскачивая деревья, создает приглушенное бормотание, которое, в свою очередь, старается разобрать лирический герой.

Еще более эта цельность проявлена в стихотворении «А на улице снег» (1968):

*А на улице снег, а на улице снег,
А на улице снег, снег.
Сколько вижу там крыш, сколько вижу там слег,
Запорошенных крыш, слег!*

*А в скиту моём глушь, а в скиту моём тишь.
А в скиту моём глушь, тишь.
Только шорох страниц да запечная мышь,
Осторожная мышь, мышь* [5, с. 142].

Николай Рубцов называет свою избу – пустыней, Николай Тряпкин соотносит ее с близким понятием, предполагающим уединение, – скитом. Вновь в избе присутствуют книги или же, возможно, рукописные тетради. Стихотворение, несмотря на подчеркивание глагола «вижу», рассчитано больше на звуковое прочтение, поэтому самих книг на столе мы не наблюдаем, зато слышим «только шорох страниц». Пространство белого затопляет все изобразительные детали. «*И смешаются печь, ночь*». Обязательный элемент поэтической внутренней пустыни – печь с горящим в ней огнем – добавляет в жилище не только тепло, но и свет. При этом внешний и внутренний миры оказываются едиными, образуя константу фольклорной идеальности мира. Светится в печи огонь – «*а в душе моей свет*», – сообщает лирический герой. Дрова не просто разгораются, они пылают. «*Загорается дух. Занимается дых*» – согласно отзываются строки. И это еще не все соответствия. На улице белым-бело, кругом снежное свечение. Такой же свет наполняет душу: «*А в душе моей свет. А врази мои – прочь. И тоска моя – прочь, прочь*». Характерно, что в этом стихотворении говорится не только о душе, но и о духе лирического героя. Свет в душе способствует горению духа. А все вместе – творчеству, поскольку лирический герой все-таки не молитвенник-отшельник, но прежде всего поэт:

*И слова мои – в рост. И страда моя – в рост.
И цветы мои – в рост, в рост* [5, с. 142].

Два вида образности в поэзии Н. Тряпкина: опыт мирской и мистический

Стихотворение Тряпкина «А на улице снег» можно разобрать с позиций психологии творчества, двух видов образности, которые выделяет священник Павел Флоренский. В момент художественного отрыва от дневного сознания (а пустыня-изба – это и есть такой отрыв) и перехода через границу миров формируются образы, со-

ответствующие *«восхождению, или вхождению в горнее, и переход нисхождения долу»* [9, с. 21]. Образы первого, пишет отец Павел, *«это отброшенные одежды дневной суеты, накипь души, которой нет места в ином мире»*, тогда как образы нисхождения – *«это выкристаллизовавшийся на границе миров опыт мистической жизни»* [9, с. 21].

Какого же типа образность содержат растущие, будто цветы, слова? Свет души и горение духа предполагают опыт мистической жизни, а также сознание, очищенное от грубого психологизма и прочего сырья. Однако дрозд, скачущий по жердочке, делает художественную картину не столь однозначной.

В народной культуре птицы разделяются на две группы: чистые (святые, добрые) и нечистые (дьявольские, злые).

Группа чистых животных небольшая. Это голубь, ласточка, жаворонок, соловей, клест, аист, лебедь. В словаре «Славянские древности» [10, с. 345–346] указано, что к чистым или добрым птицам отчасти можно отнести дрозда и чайку.

Ко второй группе относятся хищные и вредоносные: ворона, галка, грач, сорока, ястреб, коршун, а также ночные хищники: сова, филин, сыч, а также воробей, гагара, утка, кулик.

В русском фольклоре образ дрозда не индивидуализирован, подобно кукушке или аисту, которые занимают одно из центральных мест в птичьей символике. Нечасто дрозд встречается и в литературных произведениях. Можно вспомнить описание птиц в книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Характеризуя разнообразные породы птиц, он не забывает и дрозда, который обращает на себя внимание своими странными звуками, постоянно взвизгивает и чокает.

Для стихотворения Тряпкина важно, что дрозд, являясь птицей перелетной, остался в избушке поэта, хотя в зимнее время он обитает в районе Средиземного моря и Северной Африки. Среди снегов и метельных скрипов он словно бы напоминает об утраченном рае, вечнозеленых цветущих полях и Эдемском саде, в ветвях которого когда-то он квохтал.

Символика дрозда так же, как и четко выраженная константа фольклорной идеальности мира, подтверждают, что слово, которое рождается в тишине пустыни, является духовно-подлинным словом-откровением. Подлинные духовные образы или идеи очень

важно отличать от мечтаний, которые, по наблюдению Флоренского, *«окружают, смущают и прельщают душу, когда пред нею открывается путь в мир иной. Это души века сего пытаются удержать сознание в своем мире»* [9, с. 22]. Мечтательное обольщение, греза вместо идеального мира, обширно представлены в стихотворениях ряда авторов разных веков. Однако то, что будет написано в этой тихой избушке, окажется равно принадлежащим и земному, и небесному измерениям – станет *«кристаллом времени во мнимом пространстве»* [9, с. 22].

Заключение

Универсальный принцип двоемирия, пронизывающий все жанры устного народного творчества, определяет характер художественного конфликта, а также тип идеализации, которая выражается константой фольклорной идеальности мира.

В духовных стихах двоемирие проявляется как различение мирской и христианской (религиозной) жизни. Христианское начало предполагает сосредоточенность, отрешенность от сугубо земных переживаний. Именно на такое состояние настраивает прекрасная пустыня, которая может быть не только внешней, но и внутренней. В поэзии Николая Тряпкина представлены оба типа пустыни. Первая, внешняя, дается как пространство Русского Севера. Углубляясь в леса, покрытые туманом, лирический герой ищет самого себя, первоисток своей души. Северная природа не тронута человеком, а потому сохраняет черты, созданные Богом. Герой не встречает опасных или хищных животных. Словно в райском саду, безмятежно летают птицы – чайки, синицы, голуби, тихо пасутся олени...

Второй тип пустыни проявляется в образе избы, которая сравнивается со скитом. И в первом, и во втором случаях внутренний и внешний миры являются едиными и цельными – так же, как и в духовных стихах. Определяя вневременность ситуации, константа фольклорной идеальности мира осуществляет символическую и фатическую функции, которые направлены на формирование аксиологических свойств иного Царства.

Список литературы

1. *Шабалина, О. И.* Фольклорное сознание как способ духовно-практического освоения действительности : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шабалина Ольга Ивановна ; Магнитогорский государственный университет. – Магнитогорск, 2000. – URL: <http://www.dissercat.com/content/folklorное-soznanie-kak-sposob-dukhovno-prakticheskogo-osvoeniya-deistvitelnosti> (дата обращения: 20.06.2024).
2. *Никитина, С. Е.* «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи / С. Никитина // Федотов Г. П. Стихи духовные : русская народная вера по духовным стихам. – Москва : Прогресс : Гнозис, 1991. – ISBN 5-01-003633-9. – С. 137–153.
3. *«Кому повем печаль мою»* : духовные стихи Верхокамья : исследования и публикации / под ред. И. В. Поздеевой. – Москва : Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. – 332 с. – ISBN 5-89101-207-3.
4. *Поздеева, И. В.* «Кому повем печаль мою...» / И. В. Поздеева // «Кому повем печаль мою...» : духовные стихи Верхокамья : исследования и публикации. – Москва : Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. – С. 13–35. – ISBN 5-89101-207-3.
5. *Тряпкин, Н. И.* Звездное время : избранные стихотворения / Николай Тряпкин ; сост. и авт. предисл. Г. В. Шувалов. – Москва : Литературная Россия, 2018. – 384 с. – ISBN 978-5-7809-0212-6.
6. *Рубцов, Н. М.* «В горнице моей светло...» : стихотворения / Николай Рубцов. – Москва : Прогресс-Плеяда, 2007. – 544 с. – ISBN 978-5-93006-056-0.
7. *Григорий Богослов (святитель)*. Песнопения таинственные / святитель Григорий Богослов // Азбука веры : православный портал. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/pesnopenija-tainstvennyye/24 (дата обращения: 20.06.2024).
8. *Исаак Сирин (преподобный)*. Слова подвижнические / преподобный Исаак Сирин. – Репр. изд. – Москва : Правило веры, 1998. – 435, IV, 87, 10 с.
9. *Флоренский, П. А.* (священник). Иконостас / Павел Флоренский. – Москва : АСТ, 2005. – 205 с. – ISBN 5-17-005831-4.
10. *Агапкина, Т. А.* Птицы / Т. А. Агапкина // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 13 т. – Москва : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – ISBN 978-5-7133-1312-8. – С. 345–347.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024.

Статья поступила после рецензирования 30.09.2024.

Статья принята к публикации 20.10.2024.

UDC 398

CONSTANT OF FOLKLORE IDEALITY OF THE WORLD IN SPIRITUAL VERSES AND IN THE POETRY OF NIKOLAY TRYAPKIN

Anastasiya Chernova

PhD in Philology, Associate Professor
Pervinskaya Theological Seminary
Associate Professor at the Literature
Department

Moscow State University of Management and
Technology named after K.G. Razumovsky
(First Cossack University)
109383, Russia, Moscow
Ul. Shosseinaya, 82, str. 1
E-mail: litsot@yandex.ru

For citation: Chernova A.E. Constant of folklore ideality of the world in spiritual verses and in the poetry of Nikolay Tryapkin DOI: 10.51216/2687-072X_2024_4_218. EDN: MOLOST // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2024, no. 4 (29). P. 218–235. (In Russian)

Abstract

The article examines key motifs and constant images in Russian poetry. The relevance of the topic is due to the current lack of special literary studies related to the study of the constant of the folklore ideality of the world in Tryapkin's poetry and spiritual verses, as well as the significance of this concept for the formation of a lyrical motif that conveys the intimate experience of turning to the inner, spiritual, divine and eternal beginning. The work used the methods of semantic, socio-cultural and contextual analysis. The scientific novelty of the study lies in the combined use of folkloristic and philological approaches, which made it possible to discover semantic analogies between the images of the saving desert in spiritual verses and a secluded place, hut or the far North in Tryapkin's poetry, as well as to clarify the features of the constant of the folklore ideality of the world.

As a result of the study, it was revealed that the constant of the folklore ideality of the world is formed by various forms of interaction between

the earthly and heavenly principles. Bypassing the stage of plausibility, the constant of the folklore ideality of the world transforms reality into a dimension of the miraculous, in which the ideal and reality are merged into one. In spiritual verses, folklore ideality is associated, first of all, with the natural world, which was created by God, and therefore is filled with grace and beautiful. At the heart of the constant is the axiological principle of distinguishing between the external and internal desert, which permeates not only the poetics of spiritual verses, but also many plots of Russian literature.

The author comes to the conclusion that the internal desert, absorbing silence and light, is presented in the northern verses of Nikolay Tryapkin. The lyrical hero is depicted as a contemplator, capable of freeing himself from the bustle of everyday life and coming into contact with the invisible world, with the dimension of the Tabor miracle, which correlates with the prayerful mood and imagery of spiritual verses.

Keywords: poetry of Nikolay Tryapkin; folklore consciousness; constant of the folklore ideality of the world; inner desert; lyrical hero; imagery of spiritual verses.

References

1. Shabalina O.I. *Fol'klornoe soznanie kak sposob dukhovno-prakticheskogo osvoeniya deistvitel'nosti. Diss. kand. filosof. nauk* [Folklore consciousness as a way of spiritual and practical development of reality. Cand. philos. sci. diss.]. Magnitogorsk, 2000. (In Russian). Available at: <http://www.dissercat.com/content/folklornoe-soznanie-kak-sposob-dukhovno-prakticheskogo-osvoeniya-deistvitelnosti> (accessed: 20.06.2024).
2. Nikitina S.E. "Stikhi dukhovnye" G. Fedotova i russkie dukhovnye stikhi ["Spiritual poems" by G. Fedotov and Russian spiritual poems]. *Fedotov G.P. Stikhi dukhovnye: russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Fedotov G.P. Spiritual poems: Russian folk faith according to spiritual poems]. Moscow, Progress, Gnosis Publ., 1991, pp. 137–153. (In Russian).
3. "Komu povem pechal' moyu": *dukhovnye stikhi Verkhokam'ya: issledovaniya i publikatsii* ["To whom shall we tell my sorrow": spiritual poems of Verkhokamy: research and publications]. Moscow, Danilov Stavropegic Monastery Publ., 2007, 332 p. (In Russian).
4. Pozdeeva I.V. "Komu povem pechal' moyu" ["To whom shall we tell my sorrow..."]. "Komu povem pechal' moyu...": *dukhovnye stikhi Verkhokam'ya: issledovaniya i publikatsii* ["To whom shall we tell my sorrow...": spiritual poems of Verkhokamy: research and publications]. Moscow, Danilov Stavropegic Monastery Publ., 2007, pp. 13–35. (In Russian).

5. Tryapkin N.I. *Zvezdnoe vremya: izbrannye stikhotvoreniya* [Starry time: selected poems]. Moscow, Literary Russia Publ., 2018, 384 p. (In Russian).
6. Rubtsov N.M. "V gornitse moei svetlo...": *stikhotvoreniya* ["It's light in my upper room...": poems]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007, 544 p. (In Russian).
7. St. Gregory the Theologian *Pesnopeniya tainstvennyye* [Mysterious chants]. *Pravoslavnyi portal "Azbuka very"* [Orthodox portal "ABC of Faith"]. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/peknopeniya-tainstvennyye/24 (accessed: 20.06.2024).
8. St. Isaac the Syrian *Slova podvizhnicheskies* [Ascetic words]. Moscow, Rule of Faith Publ., 1998, 435, IV, 87, 10 p. (In Russian).
9. Florensky P.A. *Priest Ikonostas* [Iconostasis]. Moscow, AST Publ., 2005, 205 p. (In Russian).
10. Agapkina T.A. Ptitsy [Birds]. *Slavyanskies drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, International Relations Publ., 2009, vol. 4, pp. 345–347. (In Russian).

Received 27 June 2024.

Reviewed 30 September 2024.

Accepted for press 20 October 2024.